

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

И.М. Модель, Б.С. Модель*

СВОБОДА КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

«Если я не свободен, если я только орудие в руках непреложного закона, то зачем мне стремиться, волноваться, работать, делать усилия?»

(Б. Чичерин. Философия права)

Отечественная политическая наука располагает значительным количеством точек зрения относительно наличия и состояния гражданского общества в России: одни исследователи утверждают, что, несмотря на ряд сложностей, гражданское общество в России все-таки формируется, другие вообще убеждены в том, что в нашей стране оно отсутствует. Для нас как социологов такой дилеммы не существует — мы не только не сомневаемся, но и неоднократно с цифрами и фактами в руках отслеживали начальный этап его формирования, становления, анализировали сложности и проблемы, возникающие в ходе этого противоречивого процесса¹. Тем не менее полагаем необходимым прежде

* *Модель Исак Моисеевич* — заведующий отделом социологии ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, профессор; *Модель Бэлла Савельевна* — старший научный сотрудник отдела социологии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

¹ См.: *Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия — к социальному партнерству*. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 156 с.; *Модель И.М., Модель Б.С. Федерализм и гражданское общество // Исследование проблем федерализма в России: междисциплинарный подход*. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С.18–32; *Модель И.М., Модель Б.С. Установка лидеров гражданского общества на участие в политической деятельности // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: Тез докл. межрегион. науч. конф.* Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф. пед. ун-та, 1999. С.73–75; *Модель И.М., Фан И.Б. Ценностная детерминация деятельности лидеров гражданского сообщества // Философия ценностей: Тез. российской конф.* (Курган, 1998). Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 1998. С.202–204; *Модель И.М., Модель Б.С. Общественное*

всего определиться терминологически и отметить, что в понимании гражданского общества мы солидаризируемся с Ф. Шмиттером, который под гражданским обществом понимает совокупность или систему самоорганизующихся медиаторных (посреднических) групп, относительно независимых от государственных и внегосударственных единиц производства (фирм, семей), способных осуществлять коллективные акции по защите и достижению собственных интересов и не стремящихся при этом подменять ни государственные структуры, ни частных производителей или принимать на себя функции по управлению обществом в целом, но согласных действовать в рамках уже сложившихся «гражданских» или правовых норм¹.

Гражданское общество базируется на консолидированном воздействии на окружающее его сообщество и в наиболее концентрированной форме выражает движение России к демократии, сочетая при этом отторжение годами формировавшихся норм тоталитаризма с усвоением принципов и идеалов демократии. Мы не собираемся останавливаться на их перечислении², но акцентируем внимание читателя на такой ее базовой ценности, как *свобода* волеизъявления, поскольку достигнутый сегодня уровень развития гражданского общества в России во многом предопределен качеством того «исходного материала», из которого оно создается. В связи с этим особую важность приобретает исследовательский аспект проблемы, связанный с особенностями, спецификой самой личности — первоэлемента конструирования гражданского общества.

Общепринятым считается утверждение о том, что необходимой предпосылкой демократии является существование свободного и независимого индивида. Однако это не единственное и не доста-

объединение как институт гражданского общества // XXI век: будущее России в философском измерении: Мат-лы Второго российского филос. конгресса, 1999 г.: В 4 т. Т.2: Социальная философия и философия политики. Ч.2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С.162–163; и др.

¹ См.: Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС. 1996. № 5. С.16–17.

² См.: Политология: Энциклопедический словарь М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С.92–98.

точное условие, поскольку, как пишет Г. Вайнштейн, «далеко не каждая независимая личность, освобожденная от регламентаций и запретов, налагаемых авторитарной системой, руководствуется принципами и идеалами демократии, испытывает приверженность к ее ценностям. Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма и... пронизано тягой к анархии»¹.

Специфичность понимания свободы россиянами отмечает и К.А. Абульханова, анализирующая некоторые исторические и современные особенности российского сознания и характера. Она обращает внимание на то, что в прошлом идентичность личности и общества проявлялась в смирении как противостоянии несвободе внешней при сохранении свободы внутренней. «Свобода для российского сознания, — пишет К.А. Абульханова, — осталась идеалом, который не подвергся социальной или житейской рефлексии ни тогда, когда свобода эта в эпоху революции обернулась братоубийством, ни тогда, когда пример благополучного по жизненным меркам западного общества практически доказал, что свобода (в самом ее жизненно важном выражении именно для Запада — свобода предпринимательства) ни с каким равенством и братством не совместима. Свобода осталась идеалом, потому что слишком мало было пространства и для социальной, и для философской мысли, столь велика была сила несвободы, насилия... Поэтому свобода превратилась в утопию, вера в которую была тем сильнее, чем сильнее была несвобода»².

Проблема отражения свободы в сознании россиян, представляя значительный интерес для исследователей, должна стать предметом научной рефлексии и в силу ее актуальности. Нельзя не обращать внимания на тот факт, что сегодняшняя ситуация в России характеризуется, с одной стороны, ростом политической и общественной пассивности населения, с другой — активностью радикально настроенного

¹ *Вайнштейн Г.* Формирование гражданского общества в России: надежды и реальность // ИМЭМО РАН. 1998. № 5. С.32.

² *Абульханова К.А.* Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психол. журнал. 1999. Т.20. № 5. С.5.

меньшинства граждан, далеких от осознания демократического плюрализма и идейной терпимости. Отсюда и понимание свободы как некой вольницы, вседозволенности. И россияне в этом смысле не одиноки.

«В центре всех концепций демократии — от древнегреческой до современной англо-американской — лежит фундаментальное противоречие: демократия стремится расширить свободу и закрыть дорогу тирании, поддерживая выбор народа. В то же время свобода индивида требует свободного общества, которое в свою очередь невозможно без широко одобряемых социальных целей и ценностей, включая сущностные представления о справедливости и благе. Таким образом, неизбежно возникает напряжение между популистским демосом и эффективно управляемой республикой, волей и желанием отдельных индивидов и прерогативами сообщества. Такое напряжение естественно и закономерно, более того, оно лежит в основе процесса развития демократии»¹.

Коль скоро мы стремимся к демократии и формируем гражданское общество, нам надлежит установить, в какой мере общественное сознание адекватно тем базовым принципам, которые составляют основу гражданского общества в традиционном его понимании. «Под гражданским обществом, — пишет Т.А. Алексеева, — как известно, обычно понимают ту часть социальной сферы, в которой ни одна траектория власти не является доминирующей и где люди взаимодействуют друг с другом через ряд взаимно перекрывающихся отношений и ассоциаций — коммунальных, социальных и культурных»². В ряду сущностных характеристик мы, вслед за Т.А. Алексеевой, выделяем прежде всего автономию как от государства, так и от традиционного общества. Гражданское общество базируется на свободах и правах индивида, гарантируемых и защищаемых государством, оно представляет собой процесс,

¹ *Berlin I. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty. N.Y.: Oxford University Press, 1969. P.118–172.*

² *Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопр. философии. 1996. № 6. С.22.*

оформляющийся в некую тенденцию, направленную в сторону углубления и расширения демократии¹.

Ту же взаимосвязь демократии и гражданского общества отмечает и Ю.Г. Ершов, когда соглашается с идеей, что «гражданское общество есть нечто более высокое, чем просто человеческое общество, коль скоро оно состоит из людей, чье правосознание поднимается до необходимости признать и воплотить в жизнь естественные и неотъемлемые права человека и гражданина. Степень воплощения в жизнь прав человека может служить критерием соответствия данной государственно-правовой системы потребностям гражданского общества и определения ее в качестве демократической и правовой»². Речь идет о соединении свободной, самостоятельной личности, гражданина и сильного государства, поскольку только мощное, ответственное государство может гарантировать всю полноту прав и свобод личности, с одной стороны, а с другой — только активные, свободные граждане могут создать по-настоящему сильную власть, отстоять при необходимости свои права и свободы³.

Как же понимается свобода в нашем обществе? Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, заметим, что, по утверждению В.Ф. Эрнэ, «проблема свободы — это, бесспорно, одна из самых трудных и сложных проблем. Когда ее берутся решать практически — льются потоки крови. Когда в нее углубляются теоретически — заходят в такие дебри умозрений, что становится трудным связать исходные пункты рассуждения с результатами»⁴. Еще Л. Фейербах в свое время писал: «Ни один вопрос не является таким головоломным и не поддается в такой мере решительному утверждению или отрицанию, как вопрос о свободе воли»⁵.

¹ См.: *Алексеева Т.А.* Демократия как идея и процесс. С.23.

² *Ершов Ю.Г.* О единстве гражданского общества и правового государства // Мат-лы XI урал. социол. чтений «Уральский регион как социум». Челябинск, 1988. С.13.

³ См.: *Владиславлев А.* С верой в Отечество: Об идеологии нашей организации // Лит. газ. 1999. 11–17 авг. С.3.

⁴ *Эрн В.Ф.* Борьба за логос: Социализм и проблема Свободы. М., 1991. С.157.

⁵ *Фейербах Л.* Избр. филос. произв.: В 2 т. М., 1995. Т.1. С.442.

Не претендуя на обладание ключом к разрешению этого вопроса, мы рассмотрим свободу как базовую ценность гражданского общества сквозь призму социологического подхода.

Прежде всего познакомим читателей с материалами социологического исследования ментальности россиян, проведенного сотрудниками Психологического института Российской академии образования (в 1993 г. было опрошено 3487 человек, в 1995 г. — 1599 человек, представлявших разные макрорегионы России: Москву, Север, Юг, Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток)¹.

Поскольку нас в первую очередь интересовало отношение к свободе как ценности, мы ранжировали информацию, содержащуюся в Приложении № 2², и представляем результаты в таблице 1. Она содержит перечень ценностей, избранных респондентами (из 38, предложенных исследователями) как приоритетные (мы их приводим в порядке убывания количества ответивших — по исследованию 1995 г. — вплоть до такой ценности, как свобода).

Таблица 1

**Линейное распределение ответов россиян
о значимости для них ценностей**
(по материалам опросов ПИ РАО 1993 и 1995 гг.)

ЦЕННОСТЬ	1993			1995		
	Ранг	%	Кол-во	Ранг	%	Кол-во
Свобода	12	31,6	1994	12	21,5	344
Здоровье	–	–	–	1	640	1023
Семья	4	46,2	1722	2	54,7	875
Достаток	7	37,4	1408	3	44,5	711
Законность	2	52,5	2009	4	41,0	655
Порядочность				5	40,0	640
Стабильность	6	41,8	1535	6	33,2	5531
Уважение к родителям	–	–	–	7	30,0	4480
Мир	1	56,5	2064	8	28,0	4447
Любовь	–	–	–	9	27,2	4434

¹ См.: Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997. 397 с.

² Там же. С.381.

Модель И.М., Модель Б.С. Свобода как базовая ценность

Справедливость	8	36,8	1367	10	25,1	4401
Безопасность	3	47,8	1774	11	22,1	353

Окончание табл. 1

Успех	–	–	–	11	22,1	353
Труд	5	42,5	1548	–	–	–
Порядок	9	36,0	1322	–	–	–
Могущество	10	35,2	1297	–	–	–
Процветание	11	33,1	1203	–	–	–

Приведенные в табл. 1 материалы опросов свидетельствуют о том, что свобода ни в 1993, ни в 1995 г. не воспринималась населением в качестве ведущей, базовой ценности: свобода как ценность заняла лишь 12-е место (из 38), уступив в 1993 г. ценностям политического плана, прежде всего таким, как мир, законность, безопасность, выдвинувшимся на первые три места, а в 1995 г. — ценностям лично-бытовым, таким как здоровье, семья, достаток. Небезынтересным нам показалось, что политический дискомфорт и тревожность населения к 1995 г. сменяются ориентацией на собственные интересы и интересы семьи. Так, если в 1993 г. население было озабочено установлением мира (1/56,5%), то к 1995 г. мир уже на 8-м месте, и доля отметивших его как ценность вдвое ниже — 28,0%. То же произошло и с такой ценностью, как безопасность, которая с 3-го места переместилась на 11-е, а доля ответивших сократилась с 47,8% до 22,1% (более чем вдвое). Даже законность, практически названная в числе ведущих (2-е место в 1993 г. и 4-е в 1995 г.), набрала в 1995 г. меньшее количество голосов (41,0% против 52,5%). Весьма примечательным нам представляется и такое явление: как только в обществе наступает пусть относительный, но все же мир, отсутствуют ярко выраженные конфликты, меняются и ценностные ориентации населения. Так, в списке ценностей 1995 г. появляются новые строчки: «здоровье», «порядочность», «уважение к родителям», «любовь», «успех», т.е. общечеловеческие ценности (заметим, что в список ценностей нами были включены только те, что заняли первые 12 мест, опередив свободу). Мы не беремся утверждать, что дело именно в нарастании стабильности в

обществе (хотя этот факт, безусловно, имеет место). Не исключено, что приведенный выше цифровой материал отражает и усталость населения от политики, его уход в семейно-бытовую сферу, область отношений личного плана, а это уже должно вызывать тревогу и озабоченность, поскольку формирование гражданского общества немислимо без активной личности, исповедующей свободу как основную, базовую ценность.

В отношении к свободе как ценности мужчин и женщин обнаружались значительные различия (см. табл. 2). Так, если у мужчин в 1993 г. среди прочих ценностей свобода занимала 10-е место, то в 1995 г. — уже 7-е (правда, с потерей некоторой доли выбравших эту строку). У женщин в 1993 г. свобода как ценность занимала только 15-е место, а в 1995 г. отодвинулась еще дальше — уже на 17-е, т.е. налицо тенденция обратного порядка. Любопытно, что сам набор ценностей у мужчин (будь то 1993 или 1995 г.) беднее по сравнению с женским на 5 пунктов в 1993 г. и уже на 10 — в 1995. Обратим внимание, что такие ценности, как уважение к родителям, любовь, справедливость, согласие, милосердие, долг, успех, культура, духовность, мы встречаем только среди названных женщинами. И все они для «дам» являются предпочтительнее свободы.

Аналогичную ситуацию зафиксировали мы в ходе анализа материалов интервью лидеров гражданских общественных объединений (опрос 1996–1999 гг.): для мужчин свобода представляется значительно большей ценностью, чем для женщин, — 6-е место из 17, обозначенных в бланке опроса (после таких ценностей, как труд, права человека, профессионализм, законность, трудолюбие); у женщин свобода занимает 10–11-е места (после таких ценностей, как труд, семья, права человека, профессионализм, личное достоинство, вера в Бога, добродетель, законность, трудолюбие и безопасность).

Как это расценить? По всей вероятности, женское население страны чрезвычайно слабо вовлечено в созидание гражданского общества, отстаивание демократических принципов, хотя стабильность и законность женщины ставят достаточно высоко (как и мужчины). Тем не менее делать ставку на женщин как активных строителей гражданского общества преждевременно.

Влияние возраста на осознание свободы как ценности прослеживается очень четко: чем старше опрошенные, тем меньшее значение имеет для них свобода. Так, если респонденты в возрасте до 25 лет

Таблица 2

Распределение ответов мужчин и женщин относительно значимости для них ценностей, ранг/% к количеству опрошенных (по столбцу).

ЦЕННОСТЬ	П О Л							
	Мужчины				Женщины			
	1993 г.		1995 г.		1993 г.		1995 г.	
	Число опрошенных							
	1570		729		1914		1995	
Свобода	10	36,3	7	25,5	15	27,8	17	18,1
Здоровье	–	–	1	59,9	–	–	1	67,4
Семья	5	40,9	2	50,0	3	50,6	2	58,7
Достаток	8	37,9	3	46,3	8	37,0	3	43,0
Законность	1	53,9	4	43,3	2	51,4	5	39,1
Порядочность	–	–	5	37,7	–	–	4	42,0
Стабильность	4	44,7	6	33,7	6	39,4	6	32,8
Уважение к родителям	–	–	–	–	–	–	7	31,8
Мир	2	53,2	–	–	1	59,2	8	30,7
Любовь	–	–	–	–	10	32,2	9	28,9
Справедливость	–	–	–	–	7	37,5	10	22,6
Согласие	–	–	–	–	–	–	10	22,6
Милосердие	–	–	–	–	12	30,4	11	21,6
Безопасность	3	48,5	–	–	4	47,2	12	21,4
Дом	–	–	–	–	–	–	13	21,3
Успех	–	–	–	–	–	–	14	20,5
Профессионализм	–	–	–	–	–	–	15	19,3
Порядок	9	36,7	–	–	9	35,4	16	18,9
Могущество	6	39,3	–	–	11	31,9	–	–
Труд	7	39,1	–	–	5	45,3	–	–
Культура	–	–	–	–	13	32,4	–	–
Духовность	–	–	–	–	14	28,0	–	–

определили свободу как ценность на 6-е место (из 38) — 42,0%, то 26–39-летние — уже на 8-е (37,0%), 40–45-летние — на 12-е (29,6%), 56–60-летние — на 15-е (24,2%); опрошенные старше 65 лет — только на 16-е (17,3%). Данные приводятся по материалам

опроса 1995 г. Такое отношение молодежи к свободе как ценности (при условии разумного ее понимания) вселяет надежду, что новое поколение сумеет воспользоваться предоставляемыми ей возможностями в благородных целях, а если будет необходимо — сможет ее защитить. Молодые люди не сдадут завоеванных позиций, не поступятся принципами свободы — слишком дорого далось это завоевание, потому свобода и стоит для них в ряду самых жизненно важных ценностей — после таких, как мир (57,4%), семья (44,1%), безопасность (43,2%), законность (42,9%) и любовь (42,8%).

К таким размышлениям привел нас анализ материалов исследования ментальности россиян сотрудниками Психологического института Российской академии образования (ПИ РАО) на период 1993–1995 гг. Ниже мы рассмотрим социологическую информацию, полученную в ходе изучения позиций руководителей организаций «третьего сектора» и в более поздний период (1996–1999 гг.).

Продумывая вопросы для интервью лидеров гражданских общественных объединений (руководителей некоммерческих организаций, фондов, союзов НКО и др.), мы отдавали себе отчет в том, что для россиян соотношение свободы и воли имеет определенную специфику в силу как исторически сложившихся обстоятельств, так и в силу особого географического положения России. Как пишет И.К. Пантин, «каждый народ сам выбирает и определяет свои свободы, форму демократии в зависимости от ситуации и прошлого опыта... Мы, россияне, имели бурную, богатую событиями историю, сформировавшую наш характер, наше отношение к свободе... И если не учитывать этого прошлого, относясь к нему, разумеется, критически осмысленно, то реформы, «самые, самые», обречены на неудачу... Свобода, — продолжает И.К. Пантин, — которая потребовалась для уничтожения капитализма и всех его порождений, стала целиком отрицающей...»¹. Это одна из особенностей, в немалой степени повлиявшая на отношение россиян к свободе как ценности.

¹ *Пантин И.К.* Драма противостояния: Демократия / либерализм в старой и новой России // ПОЛИС. 1994. № 3. С.76–77.

На нашем понимании свободы сказалось и географическое положение России между Европой и Азией. Так, если для азиатской традиции идеи личной свободы вообще нетипичны, то Европа возвела их в ранг высшей и абсолютной ценности. Характерный для европейцев подход к свободе, вытекающий из норм протестантской морали, практически не отделяет свободу от ответственности, закрепленной и в этике, и в законах. Россия же и здесь проявила свою самобытность, соединив отнюдь не лучшие стороны азиатского и европейского подходов: освободившись от ига, гнета, избавившись от привычки к смирению, россияне добивались не свободы, а воли, т.е. возможности творить все, что ни вздумается.

Поэтому, готовя инструментарий для интервьюирования руководителей некоммерческих общественных объединений, которых рассматривали как наиболее продвинутую часть гражданского общества, мы учитывали национально-культурную специфику наших респондентов¹.

И еще одно обстоятельство оказало влияние на разработку вопросов для интервью: мы познакомились со значительным количеством публикаций и, прочитав статью Андрея Зубова в осеннем номере «Pro et contra», не удержались от соблазна попытаться сравнить результаты наших исследований 1998–1999 гг. с данными всероссийского опроса Института социологического анализа (декабрь 1996 и апрель 1997 г.)². Отсюда и возникли формулировки вопроса относительно понимания свободы, с которым мы обраща-

¹ Лонгитюдное социологическое исследование осуществлено авторами в Екатеринбурге и Свердловской области в 1996 и 1999 гг. На первой стадии было опрошено 132 лидера организаций некоммерческого сектора, на второй — 347. Ошибка выборки = 4,5% при $p < 0,95$.

² Опрос 1996 г. подготовлен И. Клямкиным, Т. Крутковец. Его результаты частично опубликованы в журнале «Русские идеи». Опрос 1997 г. подготовлен Д. Драгунским, А. Зубовым, А. Кара-Мурзой, И. Клямкиным, Т. Крутковец. Оба опроса проведены по всероссийской репрезентативной выборке (было опрошено 1600 респондентов от 18 лет и старше). См. подробнее: *Зубов А.* Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et contra. 1997. Осень. Т.2. № 4. С.22–37.

лись к лидерам гражданских общественных объединений, — практически идентичные формулировкам ИСА, ибо в значительной степени они отвечали тем задачам, которые мы ставили перед собой. (Оговоримся, что религиозные ориентации потенциальных респондентов, в отличие от сотрудников ИСА, нас не интересовали.)

Заметим, что авторы этих вопросов — коллектив ученых Института социологического анализа в лице Татьяны Крутковец, Дениса Драгунского, Андрея Зубова, Алексея Кара-Мурзы и Игоря Клямкина — выясняли приверженность респондентов группе ценностей той или иной религиозной конфессии (как они утверждают, протестантской, православной) или вообще гедонистической, не связанной с религиозными убеждениями или ценностями.

Итак, интервьюируемым предлагалось сделать выбор из трех суждений по поводу воли, свободы и ответственности. Первая формулировка, как предполагалось, будет выбрана теми, кто во главу угла ставит нравственное отношение к жизни, обладая активной жизненной позицией. Она условно названа протестантской. Как пишет А. Зубов, «протестантские ценности — понятие условное; предложил его немецкий философ и социолог Макс Вебер, объясняя феномен первоначального накопления капитала. Вебер исходил из того, что к земному труду, к которому человек приставлен в силу рождения или обстоятельств или, что бывает реже, в силу личного выбора, следует относиться не как к тягостному бременю, а как к призванию от Бога»¹. По Веберу, для подавляющего большинства людей первоначальное накопление капитала было нравственным. Бережливость дополнялась скромностью. Формулировка эта звучит так: «Свобода — это великий дар Божий, человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, но никогда не должен забывать, что он в ответе за свои поступки перед совестью и людьми».

Вторая формулировка выглядит следующим образом: «Свобода — это дар Божий, но она и тяжкое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им». Такая позиция характеризует стремление к уходу, бегству от

¹ Зубов А. Между нами, протестантами, говоря // Известия. 2000. 14 апр. С.1, 10.

жизни, полной тягот, лжи и обмана. Эту, по сути эскапистскую, позицию авторы вопросов условно назвали православной (очень верно, с нашей точки зрения).

Наконец, третья формулировка — «Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой» — гедонистическая и звучит несколько цинично: жизнь человеку дается только один раз, и надо от нее взять все, что возможно, использовать ее максимально для получения удовольствий, наслаждений и проч.

Таким образом, воспользовавшись столь удачными, по нашему мнению, формулировками, мы провели опрос лидеров общественных объединений некоммерческого сектора города Екатеринбурга и Свердловской области, что позволило нам сопоставить полученные результаты с материалами всероссийского опроса ИСА (см. табл.3). Сравнительный анализ обнаружил достаточно высокий уровень готовности к ответам на поставленные вопросы. Так, по данным Института социологического анализа, затруднились с выбором ответа всего 5 человек (0,3%), по материалам нашего опроса, затруднения возникли у 26 человек (7,5%). При этом затруднившихся с ответом лидеров-гуманитариев оказалось вдвое больше, чем лидеров с техническим образованием.

Таблица 3

Отношение к свободе воли и ответственности лидеров НКО,
% к числу опрошенных

Вариант ответа	Мнение населения (по результатам опроса ИСА)	Мнение лидеров гражданских общественных объединений (по результатам опроса Института философии и права УрО РАН)		
		Лидеры в целом	в том числе:	
			гуманитарная интеллигенция	техническая интеллигенция
1. Свобода — это великий дар Божий, человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, но он никогда не должен забывать, что он в ответе за				

Политология и социология

свои поступки перед своей совестью и людьми	60,8	77,7	76,8	79,2
---	------	------	------	------

Окончание табл. 3

2. Свобода — это дар Божий, но она и тяжелое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им	7,0	2,3	2,6	1,0
3. Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой	31,9	12,5	15,6	11,6
4. Затрудняюсь ответить	0,3	7,5	8,9	4,2

Анализ материалов, приведенных в табл. 3, свидетельствует о том, что наибольшее количество положительных ответов однозначно собрал первый вариант, фиксирующий продуманное, ответственное отношение к жизни и свободе. Далее, нельзя не отметить и того, что уровень ответственности «за свои поступки перед своей совестью и людьми» у лидеров гражданских общественных объединений (а это на две трети интеллигенция) значительно выше, чем у населения России в целом (по данным опроса ИСА), и разница эта составляет 17%! Данные опросов позволяют сделать вывод и о том, что равнодушны к земной жизни и не ценят право на свободу («готовы переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им», по терминологии А. Зубова), исповедуют православные идеалы лишь отдельные граждане нашей страны (7,0%), а если говорить о гражданских лидерах, то и вовсе единицы — 2,3%, т.е. такая установка непопулярна.

И еще: анархическое, если можно так выразиться, циничное отношение к свободе и воле («человек волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой») свойственно каждому третьему жителю России. Данный факт хотя и несколько настораживает, но это можно по-

нять: реакция на многолетнюю несвободу, давление, зажатость... Думается, что это явление временное, что в перспективе оно уступит место взвешенному, ответственному пониманию свободы, как это произошло уже с наиболее продвинутой частью населения — лидерами гражданских общественных объединений, среди которых в 2,5 раза меньше респондентов, разделяющих взгляд на свободу как на возможность реализации принципа «что хочу — то и ворочу!»).

Общий же вывод, на наш взгляд, заключается в следующем: подавляющее большинство опрошенных ценит право на свободу, респонденты желают сами распоряжаться своей жизнью и волей (в том числе и политической), при этом сознавая ответственность перед собственной совестью и людьми (по терминологии А. Зубова, ориентируются на протестантские ценности).

Обращает на себя внимание слабая зависимость отношения респондентов к свободе от их возраста. По материалам наших исследований, показатель зависимости $X^2 = 0,28$ при коэффициенте значимости $p = 0,023$. Исследователи ИСА также говорят о том, что эти показатели изменяются незначительно, тем не менее, по их данным, доля сторонников «протестантских» установок несколько возрастает среди людей старших возрастных категорий (где-то до двух третей) и снижается до 50,0% у самой младшей (от 18 до 24 лет). Материалы наших опросов такую тенденцию не подтвердили: у самой младшей категории гражданских лидеров этот показатель составил лишь 22,0% (столько же и в группе 41–50 лет), у остальных — от 14,0 до 18,0%. Сказать что-либо о влиянии возраста на выбор так называемой «православной» позиции не представляется возможным в силу чрезвычайно слабой ее популярности у опрошенных. А вот «циничной» позиции придерживается 51,2% молодежи (до 25 лет) и 23,3 и 25,5% руководителей организаций некоммерческого сектора в возрасте 25–30 и 31–40 лет, соответственно (см. табл. 4).

Как расценить последнее из сделанных нами наблюдений? По всей вероятности, в общем и целом — позитивно: «свобод-

ный человек родился и начал действовать»¹. Однако упование свободой может повлечь за собой действия не только положительной направленности. «Формально свобода, — читаем у Н. Лосского, — обеспечивает деятелю возможность поведения, осущес-

Таблица 4

Влияние возраста на отношение к свободе,
% к числу ответивших

ВАРИАНТ ОТВЕТА	ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА					Итого:
	До 25 лет	25-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	Старше 50 лет	
1. Свобода — это великий дар Божий, человек волен распоряжаться им по своему усмотрению, но он никогда не должен забывать, что он в ответе за свои поступки перед своей совестью и людьми	22,0	14,6	17,9	22,4	23,1	100,0
2. Свобода — это дар Божий, но она и тяжелое бремя, так что человеку лучше переложить это бремя на того, кто знает, как распорядиться им	12,5	12,5	37,5	12,5	25,0	100,0
3. Свобода дана человеку от природы, и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой	51,2	14,0	9,3	11,6	13,9	100,0
4. Затруднились ответить	11,5	11,5	23,1	34,6	19,3	100,0
И Т О Г О	24,6	14,2	17,8	21,7	21,7	100,0

ставляющего как положительные, так и отрицательные с объективной точки зрения ценности»².

А вот Аббаньяно считает по-другому: «Проблема свободы возникает перед человеком лишь тогда, когда он серьезно относится к возможностям своей экзистенции и принимает решения отно-

¹ Владиславлев А. Указ. соч. С.3.

² Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С.581.

сительно них... Быть свободным для него означает осознать и реализовать себя в изначальной возможности своего отношения к бытию, т.е. укрепить и укоренить себя в этой возможности»¹. Да, действительно, свобода всегда связана с возможностями — «возможностью выбора», «возможностью беспрепятственного передвижения», «возможностью реализации каких-то интересов, целей» и т.д. Более того, свобода всегда находится в плену возможностей.

Видимо, свободу нельзя рассматривать как исключительную самоценность, выражаясь словами М. Бакунина, как «предел человеческих мечтаний». Свобода — и цель, и средство для осуществления других целей. И мы отдаем себе отчет в том, что такая свобода личности и гражданская ответственность могут иметь место лишь в условиях сильной государственности. По мере возникновения и укрепления институтов гражданского общества будет расти и укрепляться в сознании населения понимание того, что выбрать свободу — значит разделить с согражданами ответственность за судьбу своей страны, своего государства.

Вероятно, уже сегодня можно говорить о формировании общественного сознания либерального типа, поскольку среди населения широко распространены идеи свободы, равенства, справедливости, солидарности. «В России в настоящее время либерализм представлен различными формами: экономической (свобода предпринимательства, внутренней и внешней торговли), политической (конституция и политическая система, основанные на идеях либеральной демократии; либеральные партии, играющие ведущую роль в политической жизни страны), философской (свободное распространение религиозных, философских идей и систем, в том числе классического и нового либерализма)»².

И.И. Петров, исследуя исторические корни российского либерализма, ссылается на В.В. Леонтовича и отмечает, что экономический либерализм (в сфере предпринимательства) имеет давнюю

¹ Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // *Вопр. философии.* 1992. № 8. С.152.

² Петров И.И. Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий // *ОНС.* 1996. № 5. С.74.

традицию, ибо возник еще в эпоху Екатерины II¹. Философское наследие русского либерализма представлено работами П. Новгородцева, Б. Чичерина, политическая теория нашла отражение в трудах П. Струве. Конституционно-демократическая партия народной свободы немало добилась и в Государственной Думе, и в деятельности Временного правительства. Таким образом, возникшие в настоящее время либеральные партии имеют как исторические, так и философские предпосылки, и еще в 1990 г. авторы советско-американского исследовательского проекта делали вывод о «наличии среди советских граждан широкой поддержки демократических ценностей, несмотря на многолетнее влияние советской идеологии и марксизма»². Уже тогда по таким важным показателям, как защита прав человека, свобода, альтернативность выборов и др. либерально-демократическая ориентация россиян соответствовала международным стандартам.

Чем же обеспечиваются свобода и независимость членов гражданского общества? Полагаем, что прежде всего *экономической* свободой индивида, т.е. возможностью самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью на базе любой формы собственности (включая частную), получать прибыль от продажи продуктов своего труда с последующей ее капитализацией, продавать свою рабочую силу как товар, свободно заниматься любым видом предпринимательской деятельности (исключая запрещенную законом) и т.д. Экономическая свобода — это и свобода потребления, и неприкосновенность частной собственности.

Экономические свободы в демократическом государстве обеспечиваются свободой *политической*. Мы имеем в виду и политические гарантии свободного предпринимательства, и свободу выбора, и свободу организации политических объединений. «Демократия, — утверждает французский политолог Ален Турэн, — не просто лишь состязательный политический рынок: она подразумевает способность каждого индивида действовать в качестве гражданина, т.е. связать непосредственно отстаивание своих идей и ин-

¹ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.

² От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991. С.65.

тересов с законами или политическими решениями, обеспечивающими основные рамки для общественной жизни»¹.

Итак, мы убеждаемся в том, что Россия уже сегодня располагает элементами, признаками, роднящими ее с демократическими государствами либерального толка. Однако попытка перенесения готовых норм, принципов и институтов Запада на нашу почву часто оборачивается своей негативной стороной. В самом деле, свобода предпринимательства, торговли и «либеральное законодательство в сфере коммерческих банков и различных фондов превратились в легальные средства обмана; свобода самоорганизации индивидов — в правовой беспредел, в нарушение налоговой дисциплины и несвоевременную выплату зарплаты; свобода религии повлекла возникновение новых тоталитарных сект с антисоциальной и антигуманной направленностью и т.д.»².

Некоторые журналисты, к примеру Анатолий Курчаткин, сравнивают свободу, возникшую на постсоветских пространствах России, со свободой, царящей на корабле, захваченном пиратами; с вольною волей для меньшинства вести себя самым подлым, безнравственным образом, напоминающим времена дикого варварства; для них (этих журналистов) свобода представляется беспредельной, как свобода от обязательств перед другими людьми — если человек свободен, значит, он свободен и от других людей³.

Полагаем, что такого рода явления есть следствие определенного понимания свободы. Неслучайно, по материалам наших исследований, более половины (51,2%) молодых руководителей гражданских общественных объединений (а это в массе своей интеллигенция, образованные люди) считают возможным распоряжаться свободой по своему усмотрению, отвечая за свои поступки только перед собой. И это неправильное понимание свободы как

¹ *Турэн А.* Что означает демократия сегодня? // *Международ. журнал социал. наук.* 1991. № 1. С.19.

² *Петров И.И.* Указ. соч. С.74.

³ См.: *Курчаткин А.* Такой свободы я не хочу // *Лит. газ.* 1999. 27 окт. — 2 нояб. (№ 43). С.6.

воли, не ограниченной нормами морали и права, на практике ведет к размыванию среднего слоя, к социальной поляризации, усилению социальных (а иногда и политических) антагонизмов.

Можно ли сегодня притормозить эту волну негативных проявлений чисто российского понимания свободы? Конечно, да, однако это дело не одного дня. «В массиве национального сознания существуют базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Перспективы модернизации и демократизации в значительной степени зависят от состояния сознания народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта»¹. Мы полностью разделяем позицию К.С. Гаджиева, однако хотели бы несколько развить его тезис. Россияне «долго запрягают, но быстро ездят», поэтому, по всей вероятности, процесс этот в России не будет растянут на века. Как мы пытались показать выше, в отечественной исторической практике имеются моменты, факты, процессы, свидетельствующие, что здание гражданского общества, основной базовой ценностью которого выступает свобода, возводится не на пустом месте. Тем более исторический путь, пройденный государствами Запада, позволяет учесть и по возможности обойти коллизии и проблемы, препятствовавшие в свое время становлению гражданского общества в западных странах. Однако взять чужой образец — значит получить лишь макет, а не работоспособный механизм.

В России сегодня необходимо и чрезвычайно важно формировать гражданскую культуру населения, культуру гражданского участия в жизни общества, понимание свободы в ее истинном смысле. И тогда нашу Россию, как рыночный локомотив (образ, придуманный одним из социальных мыслителей XX в. Йозефом Шумпеттером), как с грохотом мчащуюся огромную машину, на

¹ Гаджиев К.С. О перспективах демократической государственности в России // ПОЛИС. 1994. № 3. С.112.

которую по пути воздействуют и классовые, и административные, и культурные силы, никто и ничто не сможет остановить в ее движении, свернуть с избранного пути к вершинам демократии, гражданского общества и правового государства.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что один из основных принципов современного правового государства — так называемые публичные права, т.е. права личной свободы. «Внутренний смысл всех политических движений в цивилизованном мире за последние два-три столетия сводится к постепенному освобождению личности от гнета Церкви и Государства, к расширению и укреплению прав личности и признанию и оформлению их со стороны государства»¹. В России этот процесс тоже имел свою специфику: «мир насилия был разрушен до основания», а вместе с ним и ценности духа, чувства свободного человека. После революционный период был отмечен отрицанием свободы как индивидов, так и отдельных социальных групп, даже уничтожением целых классов. «Российский коммунизм для эмансипации одного класса разорвал с идеями и ценностями освобождения всего народа»². Тем более актуален в настоящее время разговор о свободах — экономических, политических, личных...

В свое время академик А.Д. Сахаров очень точно выразил еще одну человеческую потребность — потребность в свободе *интеллектуальной*: «Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитетов и предрассудков... Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума массовой культуры, со стороны трусливой и эгоистичной мещанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного орудия —

¹ Тарновский Е. Тело, душа и паспорт // Новое время. 1991. № 22. С.40.

² Пантин И.К. Указ. соч. С.77.

идеологической цензуры. Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей»¹.

И таким защитником гражданских свобод должен стать закон. В противном случае незамедлительно дают о себе знать негативные стороны свободы — появляются теневая экономика, коррупция, правовой беспредел и пр. Свободному человеку сильное государство, обеспечивающее торжество закона при всех обстоятельствах, нужно как воздух. Ведь только в условиях свободы может сформироваться сильная, самодостаточная личность — основа нормального, развитого гражданского общества, способного при необходимости ограничить всевластие государства. Таким образом, краеугольным камнем, первоосновой создания гражданского общества является формирование свободной личности, свободного гражданина свободной страны.

Россия в состоянии решить такую задачу. Этих возможностей не могут не видеть и специалисты по истории СССР и России на Западе. «Свобода никогда не была монополией Европы, — считает новый президент Французской академии Элен Каррер д'Анкос. — Я всегда напоминаю, что еще в XII в. на севере России существовали свободные государства — республики — такие демократичные, каких на Западе не существовало... В России люди всегда были больше солидарны друг с другом, чем в Западной Европе, где всегда царствовал индивидуализм. Я убеждена, что в России можно построить правовое государство, опираясь на собственные традиции свободы. Они отличаются от западных, но не противоречат им. Просто в демократическом российском обществе люди смогут надеяться на большую поддержку сограждан»².

¹ Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Новое время. 1990. № 3. С.40.

Гусейнов Э. Лучшее у России опять впереди // Известия. 2000. 12 янв. С. 9.